

Глядя на изборожденное морщинами лицо няни, в котором читалась робкая надежда, я ощутил укол жалости. Воспитание, полученное мною в прошлой жизни, не позволяло пренебрежительно относиться к старикам — разве почтение к старшим не было одной из тех традиционных добродетелей, что впитывались с молоком матери?

— Няня, присаживайся и поешь со мной, — мягко произнес я.

Старушка опешила и, нервно потирая руки, залепетала:

— Что вы, Маленький молодой господин, это... это ведь негоже. Мы ведь люди разные, господа и слуги.

— Господа и слуги? — я едва заметно усмехнулся. — Полно тебе, няня. В этом доме, кроме тебя, едва ли кто-то видит во мне хозяина. О каком сословном различии тогда речь? Садись.

Няня понуро склонила голову и опустилась на край стула, украдкой смахнув слезу. Похоже, я попал в самую точку: прежний владелец этого тела в семейной иерархии стоял немногим выше сорной травы.

Обед прошел в тягостном молчании.

Лишь спустя несколько дней я почувствовал, что силы понемногу возвращаются ко мне. Няня, хоть и со скрипом, но позволила мне ненадолго покинуть постель.

Сидя в крошечном дворике под лучами неяркого солнца, я наблюдал за тем, как мелькает игла в руках няни, и незаметно для самого себя погрузился в раздумья.

«Неужели и впрямь во Вселенной сосуществуют параллельные миры? Неужели то "иное место", о котором говорил дедушка Ян, и есть эта земля? Значит, он имел в виду вовсе не смерть...»

Странное дело: осознание того, что я не умер, не принесло радости. Напротив, на сердце стало тошно и тяжело. Быть может, где-то в глубине души я жаждал конца? Жаждал окончательно сбросить с себя груз прошлого? И что теперь? Чья это судьба? Кто я теперь — Хань Сяо или Нань Си?

— Маленький молодой господин?

Я вздрогнул и посмотрел на няню, выдавив бледную улыбку:

— Да?

Няня на мгновение замерла, а затем засуетилась:

— Маленький молодой господин, я отнесу вышивку заказчикам. Вы только, молю, не уходите никуда. Не ровен час, столкнетесь с кем из этих цепных псов, и быть беде. Я мигом, одна нога здесь, другая там.

Я лишь кивнул в ответ. Проводив взглядом няню, которая, собрав свертки, поспешно скрылась за калиткой, я решил подняться. Мне не терпелось проверить, насколько плачевно состояние этой новой плоти.

Однако, встав, я почувствовал, как перед глазами поплыли черные пятна. Тело предательски обмякло. Тяжело дыша, я вцепился в подлокотник кресла и бессильно осел на землю. Я уперся ладонью в сиденье, голова закружилась, и мне потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя и разогнать тьму в глазах.

«Ну и что это за рухлядь?»

С горьким отвращением я рассматривал свои тонкие, неестественно бледные запястья. В памяти всплыло лицо подростка из бронзового зеркала — бескровное, изможденное. На вид этому мальчику нельзя было дать и девяти лет, хотя на деле исполнилось двенадцать. Хрупкое сложение, чахоточная худоба — типичное следствие долгого недоедания. В своем прежнем мире я не был атлетом с кубиками пресса, но на здоровье не жаловался. А тут... малейшее движение заставляет задыхаться, словно я немогущая девица Линь Дайюй. Уму непостижимо, как с таким телом он ухитрился залезть на дерево, чтобы достать какую-то одежду? Мысль промелькнула и исчезла, я не стал в нее вчитываться.

Когда дыхание наконец выровнялось, я остался сидеть на земле, погруженный в размышления. Есть ли в этом мире боги или призраки? Я никогда не знал наверняка. Но какая теперь разница? Я здесь, в этой ловушке из плоти. Должен ли я смириться или пора что-то менять?

В прошлой жизни я никогда не был любимчиком деда. Пусть родители и души во мне не чаяли, их голоса в семейных советах ничего не значили. Лишь Сяо Я искренне любил меня просто за то, что я его брат. Я всегда удивлялся, как, получая жесткое воспитание наследника элиты, он сумел сохранить такую чистоту души.

Я зажмурился. Данное ему обещание я уже не исполню.

«Прости меня, брат...»

Призраки прошлого камнем тянули вниз. Как они там? Горюют ли? Я криво усмехнулся собственной беспомощности. Даже если они убиты горем, я не в силах их утешить. Пусть лучше считают меня мертвым. Время — лучший лекарь, однажды они просто забудут. Нет в мире человека, без которого нельзя было бы обойтись.

Кто я теперь? Нань Си? Да, тело носит это имя, но душа в нем принадлежит Хань Сяо. А что стало с настоящим Нань Си? Умер ли он? Или, подобно мне, очнулся в чужом мире?

У этого мальчика судьба была куда горше моей. Он родился в знатной и богатой семье, но ни разу не видел отца. Должно быть, Нань Сютянь давно забыл, что у него вообще есть такой сын. В этом огромном поместье, а быть может, и во всем подлунном мире, единственным человеком, кому он был дорог, оставалась няня. Пожалуй, только ее он мог назвать семьей. Но она — всего лишь служанка. Она не могла защитить его от злой воли господ. Ей бы самой уцелеть, не говоря уже о том, чтобы оберегать бесправного и немощного «хозяина».

Я медленно сжал кулаки.

«В прошлой жизни я искал избавления в смерти. Что ж, можно считать, что я уже один раз умер. Глупо делать это снова. Все причины для конца остались в том, другом мире. Здесь же у меня нет ничего, кроме моей души».

Опираясь на кресло, я с трудом поднялся и сел. Мысли вихрем кружились в голове. Я оказался в совершенно незнакомом месте, законы которого мне неведомы. Это опасно: одно неверное движение — и тебя раздавят. Няня обмолвилась, что у Нань Сютяня множество жен и наложниц. В таких домах борьба за власть и богатство принимает самые уродливые формы. Но пугало не это, а то, что сам глава семейства смотрел на грызню домочадцев сквозь пальцы. Что им движет? Излишняя самоуверенность или полное бессилие? Судить сложно, ведь я его в глаза не видел. Одно ясно: это поместье — не то место, где я смогу выжить.

В знатных домах мир и покой — редкие гости, чаще они становятся сценой для человеческих трагедий. Моя жизнь и так уже была чередой нелепостей. И я точно знал: мне неинтересны интриги и грызня за крохи влияния. Я хочу простоты. Почему люди так упорно стремятся усложнять себе существование?

В поместье Нань простой жизни не будет. Значит, нужно уходить.

Но побег — это не просто красивая мечта. Кроме полного незнания этого мира, огромным препятствием было мое собственное тело. Одышка после пары шагов — это невыносимо.

Я вновь сжал кулаки, на этот раз решительно.

«Если я действительно хочу вырваться на свободу, первым делом нужно привести эту развалину в порядок. Каждое действие должно быть выверено. Каждое решение — обдуманно. Я больше не позволю обстоятельствам загнать себя в тупик».

<http://bllate.org/book/17518/1721987>